

Жуткая сказка на ночь

Мария Некрасова

Доктор-мумия

«ЭКСМО»

2008

Некрасова М. Е.

Доктор-мумия / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2008 — (Жуткая сказка на ночь)

ISBN 978-5-425-00937-1

Думаешь, больной зуб – худшее, что может с тобой случиться? Поверь, стоматолог в белом халате и жужжащая бормашина – это еще цветочки! Как тебе саркофаг вместо зубоврачебного кресла? А санитары-призраки и методы лечения, устаревшие еще в начале нашей эры? Леха, не раздумывая, сбежал бы из жуткой клиники, если бы доктор... не запер его в палате, из которой так просто не выбраться!

ISBN 978-5-425-00937-1

© Некрасова М. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мария Некрасова

Доктор-мумия

Прежде чем ты это прочтешь, замечу: я вовсе не против зубных врачей. Кто еще так внимательно смотрит в рот и понимает всю белиберду, которую ты пытаешься сказать?

Глава I

Уж послали так послали!

Если тебя кто-то куда-то послал и не назвал точного адреса, его самого послать надо. И адреса не сказать, пускай ищет. Если, конечно, этот кто-то тебе не сестра и у нее не кризис тинейджерского возраста. Сестре лучше сообщать точный адрес, а то взбесится. Вцепится акриловыми ногтями в твой воротник, оттянет так, что ткань затрещит, тряхнет бигудями и заорет:

– Леха, куда ты меня послал?!

– В баню! Я из-за тебя три часа по улицам бродил, а там между прочим не лето.

– Намекаешь, что у меня плохой дезодорант?

Чокнутая! При чем здесь ее дезодорант? Хотя дезодорант у нее, и правда, отстой. Но я понимаю, у человека переходный возраст, то-се, сестрица душится всем, что горит, и лупит все, что шевелится, потому что ей энергию девать некуда. Совсем некуда! Танюхе в ноздри можно лампочку включать, как в розетку, и – гадом буду! – загорится лампочка. Только хрен Танюха позволит такое с собой проделать, она ведь бешеная. Одним словом, переходный возраст, господа. Но я-то при чем?

– Дезодорант неважный, – отвечаю, – запах, как у бабушки в коровнике. Но я имел в виду, что, если куда-то посылаешь человека, надо сказать адрес, а не объяснять, как первобытная: «На камнях под пальмами».

– Пошел ты сам... в лес, без бумажки! – Танюха уже занесла руку, чтобы дать мне затрещину, но меня спас звонок в дверь.

– Егорку привели! Бегу! – подпрыгнула сестра и убежала открывать.

Егорка – это наш сосед, к которому Танюха испытывает непонятную мне симпатию. Его родители постоянно куда-то уходят «ненадолго», и тогда моя сестра с готовностью скрашивает Егоркино одиночество. Чем они там занимаются, я не знаю, но еще пару месяцев назад полуторагодовалый Егорка не умел говорить, а сейчас не умеет молчать. Еще бедолага недавно заболел свинкой, но винить в этом Танюху точно нельзя: она и я давно ею переболели, так что чисты перед следствием.

Щелкнул дверной замок, и сразу стало шумно:

– Таня, вед! Я чера мал папин утер, и он ше не оказывает мутики! А ты што езно делала? (Перевожу: Таня, привет! Я вчера сломал папин компьютер, и он больше не показывает мультики. А ты что полезного сделала?)

Танюха от души хлопнула дверью в коридор, наверное, стеснялась при мне рассказывать, что она сделала полезного. Спасибо, хоть за шиворот снова не схватила.

Я оттянул пальцем порванный воротник. Мать вернется с работы – убьет, лучше зашить сразу. Что за день!

Нет, начался день вообще-то терпимо. Даже хорошо. Да чего там, замечательно начался день: у меня заболел зуб. Сильно, пол-лица раздуло. С таким зубом не то что в школу (ха-ха,

пусть без меня пишут контрольную!), а в булочную к соседнему подъезду не спустишься. Так что пришлось Танюхе самой бежать за утренним хлебом.

Но она отомстила. Позвонила днем и говорит: «Я записала тебя к врачу! На сегодня, к четверем. В клинику, что на Камнях под пальмами. Фамилия доктора Дупло. Не опаздывай!»

И я поперся, как дурак, на Камни, под пальмы к доктору Дупло.

«Камни» – это такой квартал в нашем районе. Там раньше была булыжная мостовая, потому и «Камни». Конечно, булыжные мостовые раньше много где были, но наши Камни особенные. На них колбасились лучшие люди старой Москвы. Говорят, их так укачивало, что даже тошнило. В общем, Камни называются «Камни» – и точка. А что «под пальмами», так это вот откуда: один чокнутый меценат устроил зимний сад на крыше дома – застеклил все и понасажал пальм. Так что «на Камнях под пальмами» – адрес, в общем-то, конкретный: и улица есть, и дом. Только подъездов там двадцать пять! Пока все обойдешь...

Я обходил. В первом подъезде на корточках сидел бомж со спущенными штанами и явно не ждал меня к четверем. Во втором ко мне вышел бухгалтер, совсем без штанов, потому что был женщиной и носил юбку. То, что она – бухгалтер, я прочел на бейджике. Заодно узнал, что попал в фирму ООО «ККК», а не в какую не клинику доктора Дупло, что нечего отвлекать людей от дела, и вообще шел бы я искать своего доктора куда подальше. И я пошел дальше. В третьем подъезде оказался магазин стройматериалов. Дорогу в клинику мне там не показали, но предложили перфоратор для обороны. В четвертом жили мерзкие хоббитсы. По крайней мере, так было написано на стене, а по квартирам я звонить не стал, я доверчивый. Наконец в пятом мне точно сказали, куда идти. Я их самих послал. Туда же.

Нет, клинику я все-таки нашел. Потом, когда уже сбился со счета, в какой именно подъезд заглянул. Я ввалился туда, как на праздник: шапка набекрень, глаза в кучку, навязшая на языке незатейливая песенка: «Не подскажите, где клиника доктора Дупло?» И тут мне навстречу два мордovorота с сообщением:

– Здесь!

Лучше бы молчали. Мордovorоты были в синих халатах – значит, хирурги. Нет, рвать зуб я не дам, пусть уж лучше болит.

– Я, – говорю, – на четыре часа записан. Но рвать не позволю.

– Совсем или без анестезии? – уточнил один.

– Совсем.

– Тогда пошли.

Они пошли впереди меня по коридору, закрывая собой весь проход. Девушка на «ресепшн» пожелала мне хорошего дня, уточнила, иду ли я на прием к четверем или так, на огонек заглянул. Я сказал, что именно иду и именно к четверем.

Нет бы мне тогда развернуться и убежать туда, куда раньше послали! Ну поболел бы зуб еще пару месяцев, ну отпал бы сам, вместе с куском головы, подумаешь! Через дырку можно было бы исподтишка показывать всем язык и свистеть, наверное, было бы удобно...

– Сюда! – Один из хирургов распахнул дверь кабинета и втокнул меня внутрь.

– Здравствуйте, молодой человек! – услышал я.

Все, поздно думать о возвышенном. Здравствуй, зеленая мумия! И где таких берут? Доктор Дупло выглядел, как огурчик. Как маринованный огурчик, который вытащили из банки и посушили в микроволновке несколько дней подряд, а потом еще хорошенько поваляли по полу, чтобы покрылся тонким слоем пыли. Честно, я едва не вскрикнул, увидев его. И ЭТИМИ руками он полезет мне в рот?!

– Не бойся доктора, доктор тебе поможет. – Дупло фамильярно перешел на «ты», а следом даже на «мы»: – На что жалуемся?

«На сестру, – чуть не ляпнул я, – потому что она разыскала мне самого старого и самого мерзкого доктора в Москве». Удержался и ответил вполне цивилизованно:

– Зуб болит.

– Ясенько, – противно хихикнул хозяин кабинета. – Чего ж ему не болеть-то, когда червяков полон рот!

Я хотел возмутиться, мол, каких еще червяков, и не смог. Потому что ясно почувствовал: во рту, как раз на стороне больного зуба, ШЕВЕЛИТСЯ!

Глава II

Кто заводится во рту?

– Не бойся! – по-своему истолковал мой ошалевший взгляд доктор. – Если кто-то из нас и кусается, то это не я. Мне маска мешает. А у тебя пальцы прямо во рту – кусай, что осталось! – Он пошевелил пальцами на руке, их и впрямь было только три. Как же он работать-то будет?!

– Это же больно!

– Я в счет включаю.

А червяки во рту шевелились...

– Плюй! – Доктор требовательно подставил руку с тремя пальцами. – Выплювай, пока размножаться не начали!

Я подумал, что в клиниках вообще-то принято подставлять пациенту под рот лоток, кювету или хоть тазик. Если каждый начнет плевать доктору на ладонь – негигиенично получится. Кстати, меня еще не посадили в кресло. И червяки... Откуда во рту червяки?! Но раз доктор просит, ладно. Я от души плюнул. Раз, другой... На трех докторовых пальцах повисла добрая ложка червяков, длинных, черных, с розовыми брюшками и оранжевыми усиками. Извиваясь и попискивая, они комками падали ему под ноги, а доктор их давил!

– Плюй! Еще! – требовал он.

Я добросовестно плевал. Черви во рту щекотались, норовили заползти в глотку, а главное – их не убывало!

– Плюй!

Я уже не попадал в подставленную ладонь. Плевал, куда ни попадая, черви лапшой висли на докторовом халате, на брюках, на дужке очков... Черви царапались усиками, цеплялись за губу, повисали мерзкой бородкой...

– Хватит! Кончились все!

Я хотел возразить – полный рот еще, но почувствовал: да – кончились. Вот так, доктор сказал: «Все», значит – все.

– Полегчало?

– Угу, – кивнул я. Зуб и правда перестал болеть.

– А теперь ложись, выжжем остатки. – Доктор кивнул себе под ноги. На линолеуме, в кроваво– черной каше еще кривлялись недодавленные червяки.

– Ложись, ложись. Я коврик постелю.

Только сейчас я заметил, что в кабинете нет кресла. И письменного стола. Зато есть стеклянный шкафчик с лекарствами, табуретка и... саркофаг. Настоящий саркофаг! Как у фараонов, я видел такой в музее. Он стоял себе в углу – старый, облупленный, непритязательный, как сервант. И мне стало по-настоящему страшно. Не зря, ох, не зря я обозвал про себя доктора «мумией». Но разве такое возможно? В центре города, среди бела дня! Приходите, дети, в клинику доктора-мумии! Он вас вылечит, забинтует и упакует в саркофаг на веки вечные!

А еще в кабинете не было ассистентки.

– Сбежали все, – понял меня доктор. – Молодежь! Неохота им нормально работать. Им надо, чтобы перчатки, стерилизаторы и кресло с педальной бормашиной... Щепку поджечь им не комильфо! Собачья моча им, видите ли, воняет – лидокаин подавай!

– Что такое лидокаин?

– Анестезия. Шприцем вколоч, и все, пациент у тебя деревянный. Работаешь и не видишь, правильно или нет, больно ему или нет...

– Должно быть больно?

– Конечно! Иначе как я узнаю, что делаю?! Убил я червяков или нет? А им все равно, лишь бы пациент на ухо не орал. Они, видите ли, шума не выносят... Попса!

– А собачья моча для чего?

– Чтоб ты в обморок не упал. Чтобы был в сознании, со мной, и все чувствовал... Ну ладно, давай выжжем остаточки, а то заново размножатся. – Он достал из кармана щепку, поджег ее и скомандовал: – Открывай рот пошире, а то язык задену!

Я уже понял, что попал. Только не совсем понял, куда. Да это и неважно было, одно желание осталось – развернуться и бежать. А дома дать Танюхе по шее и записаться к нормальному врачу. С поповой бормашиной и деревенящим лидокаином. И обязательно в резиновых перчатках и с целыми пальцами! От вида рук доктора меня тошнило. Я развернулся, вскочил на ноги, рванул и... влетел носом в твердокаменный живот хирурга.

– Ку-уда?

Опаньки. Приплыли. Синий халат хирурга действительно пах чем-то соленым. Морем. Ага, море слез и кровищи, лишь бы не было попсы... И бурлило у хирурга в животе так же, как на море.

А еще в поповых клиниках иногда слушают пожелания пациента. Вот такие, какое из меня вылетело:

– Я не хочу, чтобы мне выжигали червей деревянной щепкой!

– А кто тебя спрашивает? Ты хоть школу закончил, чтобы спорить с потомственным доктором. – В животе хирурга булькнуло особо зловеще. Кажется, в море начинался шторм. – Вот и молчи. Не цените вы, молодежь, ни опыта, ни образования. Я вот в Америке учился, в университете «PERDU». И носил майку с его названием. Мне есть чем гордиться. А когда приехал в этой майке в Москву... – Хирург расстроено махнул рукой, мол, что тут скажешь, оторвал меня от своего бурлящего живота, посадил на ковер: – Давай, не тушуйся. От этого умирают только девчонки и слабаки.

Вот утешил так утешил. Я дернулся раз, другой, получил горячей щепкой в язык... и решил, что терпеть можно. Потом сбегу, когда мумия будет безоружной. Без щепки в смысле. Просто сидел и старался думать о чем-нибудь приятном. Как я вернусь домой и оттаскаю Танюху за бигуди, даром что девчонка. Как она будет мерзко визжать и царапаться акриловыми ногтями. Ногти будут цепляться за мои пуговицы, отклеиваться и слетать в разные стороны: «тыңц!» – об стенку, «тыңц!» – в дверцу шкафа, «тыңц-тыңц!» – два ногтя подряд в Танюхин суп и в чашку. Потом Танюха вырвется (обязательно, я ее знаю!), оставив у меня в руках пару бигудей, которые я с особым цинизмом затолкаю ей в уши, когда снова поймаю. И будет у меня Танюха – инопланетянка, мерзко выкрикивающая свое инопланетянское приветствие: «Уй, бона, блшин, ешлшт!»

– Спа-акойна! – подбодрил доктор-мумия. – Немного осталось...

Думать о приятном я уже не мог. Доктор тыкал мне в рот своей щепкой, щепка шипела, дымила, разрывала рот, грозя пройти насквозь и выйти через ухо, чтоб я сам был, как инопланетянин. Несчастный, измученный инопланетянин, на вечной диете. Я ж теперь не то что есть, я выжженный зуб языком потрогать побоюсь – больно же!.. Вкусно пахло шашлычком. Голову как будто просверлили, и, когда врач убирал руку, чтобы еще раз поджечь щепку, во рту приятно гулял сквозняк. По вискам ударило, капнуло со лба на нос. Послышалось:

– Сознание теряет...

В нос шибанул запах мочи. Собачьей, значит, ага. Чтобы я не потерял сознание. Стало легче. Перед глазами уже не плавали круги, перед глазами были доктор да его саркофаг на заднем плане. Страшный и загадочный. Муляж, скорее всего. Наверное, доктор просто коллекционирует всякую древность, но саркофаг дома не поместился, вот он и притащил его на работу. А что до его собственного вида... Мало ли на свете сухеньких стариков? Всех

бояться – из дома не выходить. Лечит он, конечно, оригинально, но, как ни крути, зуб уже не болит, мне легче...

– Ну вот, а ты боялся! Федор, отведи его в хоспис, вечером повторим.

– ШТО?!

Глава III

Самый опытный врач

Вот уж новость так новость! Мало того, что мне обожгли весь рот, так еще и не собираются выпускать отсюда!

– А ты как думал? – подмигнул доктор. – Червяки – зараза страшная, их выжигать надо дня три, не меньше.

Три дня? Подряд? Я подумал, что еще одно такое выжигание, и зубы мне можно будет не чистить никогда. И ботинки. И уши. И почтовый ящик.

– Так что три дня ты проведешь здесь, под наблюдением, – добил меня Дупло.

Я подумал, что на свете, наверное, много хороших врачей, которые пользуются нормальной анестезией, моют руки с пятью пальцами, а зажигалкой не пользуются вообще, потому что не курят, а готовить им некогда... Подумал и сказал:

– Можно я к вам сестру приведу? У нее пломба выпала.

– Хоть бабушку, – милостиво согласилась мумия с персональным саркофагом. – Только сначала тебя долечим.

Ого, как мне повезло! Но ничего: поднялся с ковра (перед глазами заскакали предательские зеленые точки) и побрел по коридору вслед за хирургом в хоспис чокнутого доктора. Коридор был узкий и длинный. Развернуться и убежать не давал второй хирург, который материализовался неизвестно откуда и теперь конвоировал меня сзади. А почему они вообще со мной так возятся? Помогать доктору, подержать-проводить пациента – это работа ассистента, на крайний случай санитаря. А хирургам своей работы хватает. Или, как говорил доктор-мумия, «сбежали все», поэтому оставшиеся хирурги работают на две ставки? Интересно... Я так и спросил:

– Почему вы со мной возитесь? Вам своей работы мало?

– Надо, парень, – ответил хирург, идущий впереди. – В тебя может вселиться бес или зуб все–таки придется удалить, и тогда не обойтись без хирурга. А сам Дупло хирургией не занимается, он же Клятву Гиппократя давал.

– А вы?

– А мы нет. Должен же кто-то заниматься хирургией. Это сейчас дают Клятву Ельцина, которая разрешает буквально все, а тем, кто давал Клятву Гиппократя, хирургией заниматься нельзя. И вообще много чего нельзя.

Я, кажется, начал понимать. Когда он жил-то, Гиппократ этот? У меня по истории трояк, но что-то подсказывает мне, что давно. Очень давно, когда щепкой выжигали червей из рта и давали собачью мочу вместо нашатыря. Вспомнил «цветущий внешний вид» доктора и отмахнулся от нелепой мысли. Вспомнил серую пористую кожу, наклепленную на костлявое лицо, как высохшая масляная краска на холст, и опять отмахнулся. Вспомнил три пальца, больше смахивающие на старые куриные кости в мусорном ведре, и спросил:

– Сколько ж ему лет?

– Не знаю, – беззаботно ответил хирург. – По крайней мере, он старше тебя. И меня. И стоматологического кресла.

Я не знал, когда было изобретено стоматологическое кресло, но догадывался, что очень давно. Мумия. Натуральная мумия, с персональным саркофагом и частной клиникой, этот доктор Дупло. Куда смотрит Минздрав! Но на всякий случай я возразил:

– Столько не живут.

– А он живет. Ему надо, понимаешь?

Я, признаться, не понимал:

– Всем надо.

– Не-а, тут другое. Он же врач, каждый день к нему приходят пациенты, которым нужна помощь. Он не вправе им отказывать. Да и не мог бы, даже если бы захотел. Всех лечит, куда деваться. Может, ему и хочется на покой, но некогда.

– Это я понял. Только не понял, почему тогда другие врачи смертны.

– Потому что они другие.

– Он – мумия?

– Во всяком случае, он не умирал. А саркофаг у него в кабинете стоит так, для солидности. Он только псевдоним посовременнее взял – Дупло, а сам живет, можно сказать, как на много веков раньше. Червей выжигает там... Ну, ты заметил.

Я заметил и рассеянно посмотрел на хирурга. Выглядел он вполне умным, то есть слюни не пускал, не мычал, песен не пел. И на мумию не тянул: дядька как дядька. И второй – тоже... Почему же они работают на Дупло? Почему не разнесут эту древнюю клинику, не заколотят владельца в саркофаге?

Но я постеснялся задать свои вопросы вслух. В конце концов меня лечит бессмертная мумия, ну что тут такого? Мне уже стало легче, несмотря на устаревшие методы, и жизни моей ничто не угрожает. Мне даже самому интересно, что будет дальше.

Дальше была палата, и хирург распахнул передо мной дверь.

Мама! Нет, палата сама по себе была ничего: шторы на окнах, покрывала на койках – все как положено. Но мои будущие сокамерники... То есть сопалатники... Одно тошнило в углу. Червями, черными с оранжевым брюшком, вроде тех, которыми я только что плевался в доктора. Тошнило смачно и давно: перед парнем стояло деревянное корыто, как на картинке в «Сказке о рыбаке и рыбке». Так вот, корыто было наполнено до краев, черви свисали лапшой, падали, расплзались. А парня все тошнило.

Другой мой сокамерник-сопалатник сидел на кровати и сосредоточенно отрывал себе голову. Обхватил ступнями уши – акробат, блин! – руками вцепился в волосы на макушке и, кряхтя и постанывая, отрывал. Получалось у него неважно, голова прочно сидела на месте, и даже на коже не было ни царапины. Иногда парень опускал руки, чтобы передохнуть, и ругался: «Надо ж было так присобачить! Этот бы суперклей да в мирных целях!»

Третьего будущего соседа я поначалу принял за пятерых: он вихрем носился по палате, иногда забегая на стены, и вопил: «К оружию! К оружию!»

– Знакомься, парень, твоя койка у окна. – Хирург хлопнул меня по спине и быстренько ретировался.

А другой ушел еще раньше – не стал ждать, пока я налюбуюсь видом своей тюрьмы. В двери щелкнул ключ. Заперли, хирурги позорные!

Я стал пробираться к месту у окна, на всякий случай обронив: «Привет!» Но все были заняты собой, никто мне не ответил. Парень над корытом слегка моргнул. Типа: «Извини, ни ответить, ни кивнуть не имею физической возможности». Черви лезли под ноги, я их давил. Додавил до своей койки, сел, отодвинул штору, глянул в окно...

За окном жрали ребенка.

Глава IV

Шашлык на природе

Парню было лет семь, а его жрали. Жрал какой-то бесформенный кусок сырого мяса, рыхлый, кроваво-коричневый, противный на вид. Я невольно зажмурился. Потом сказал себе, что трус не видит рассвета, потому что трясется под кроватью, прячась от темноты, и посмотрел еще раз. У мяса угадывались две лапы с большими когтями и зубы. Автономно, без пасти. Этими зубами оно жрало ребенка.

– Блин! – крикнул я, хотя очень хотелось выкрикнуть что покрепче.

Я саданул ногами в стекло – подумашь, всего-то второй этаж! – и солдатиком прыгнул во двор.

В ступни впились миллионы мелких иголочек, как бывает, когда спрыгиваешь на ноги с большой высоты, в нос ударил запах крови. Кто был на рынке в мясном ряду, тот меня поймет. Только здесь мяса было раз в десять больше. Здоровый такой кусман, две школы накормить можно, причем вместе с семьями. Только он был с зубами и когтями и сам жрал парня.

Сто раз видел, как в кино пацаны моего возраста дерутся с драконами и прочими телепузиками, в десять раз больше их самих. И все равно не знал, за что хвататься, с какой стороны подойти. Ребенок ревел. Руки-ноги-голова – все было на месте, но тут и там поблескивали жуткие надкусы, как на недоеденном помидоре. Парнишка даже не отмахивался и не пытался бежать. Ревел тихо, подавляя всхлипы, только раз в две секунды повторял: «Я больше не буду». А я стоял, как дурак, и не знал, чем ему помочь.

Мясо воняло. Во дворе стояла тишина и помойка. Помойка воняла меньше, к ней, по крайней мере, можно было подойти. Я подошел и заглянул внутрь ящика в надежде найти что-нибудь, что бы сошло за оружие: доску, старый карниз... Вот, ножка стула подойдет! Отломал ножку и пошел в атаку на мясо. Разбежался и ткнул в бок, в другой, в третий, врезал ножкой сверху, там, где должна была быть голова, снизу, саданул по зубам... Ничего существенного не произошло. Мясо даже не прекратило жрать, как будто меня вообще рядом не было. «Я больше не буду», – выдал опять ребенок, сел и уткнулся носом в колени. Кажется, он уже смирился с происходящим. Блин, это же сюр какой-то, чтобы мясо жрало человека, а не наоборот! Я в который раз пожалел, что со мной нет Танюхи. Она время от времени затевает «кухонный креатифф», сокращенно «Ка-ка». (Я, кстати, очень люблю эти дни, потому что мама, попробовав Танюхину стряпню, ведет нас ужинать в пиццерию.) Вот пришла бы она сюда да приготовила мегаотбивную – все бы простил!

Тренькнула пружина подъездной двери, во двор вышли хирурги с сигаретами. Я рванул к ним:

– Эй, смотрите, что у вас тут творится среди бела дня!

Хирурги синхронно обернулись. Тот, у кого урчало в животе, меланхолично прикурил, а второй сказал:

– Ну Дупло же предупреждал Саню, что, если он дальше будет отлынивать от лечения, болезнь его сожрет.

– Вот и жрет, – добавил тот, у кого урчало в животе, и затанулся.

Болезнь? Жрет? Доктор сказал? Что-то много болтает этот доктор, и все какие-то глупости. Все бы ничего, но его глупости почему-то имеют свойство сбываться... Доктор сказал: «Черви» и посыпались изо рта черви. Сказал «Болезнь сожрет» – вот, пожалуйста, Саню жрали.

Я шагнул к хирургам и попросил:

– Огоньку не найдется?

– Мал еще курить, – справедливости ради заметил тот, у кого урчало в животе, но зажигалку мне протянул, умница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.